

Марк Довлатов

Раба любви. Секс-рассказы

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
Д58

Довлатов М.

Раба любви. Секс-рассказы / М. Довлатов — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 67 с.

ISBN 978-5-5321-0732-8

Хотят ли люди свободы в любви? На что они готовы пойти, чтобы сохранить эту любовь? Как возникают сексуальные желания и предпочтения, что можно считать нормой в сексе? Обо всем этом размышляет Майкл Дуридомов, проходя через череду невероятных эротических приключений и обретая новое знание и бесценный сексуальный опыт. Для оформления обложки использована иллюстрация с сайта pixabay, автор Engin Akyurt. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Раба любви	4
Галеры	22
Клятва Гиппократа	42
Воскресение	62

Раба любви

*Большинство людей
в действительности не хотят свободы.
(Зигмунд Фрейд)*

*Подавленные эмоции не умирают.
Их заставили замолчать.
И они изнутри продолжают влиять на человека.
(Зигмунд Фрейд)*

Михаил и Бэла разбежались в разные стороны. Прошло дня три, как они вернулись из Парижа в свой родной Мухосранск, и Белка вдруг объявила, что собирается в пятницу пойти с подружками в кафе. Ничего в этом особо удивительного не было, но его немного задело, что их Париж будет разменян на треп глупых девчонок. Он выгнал из головы эту мысль и решил в отместку устроить сабантуй для сотрудников своей «фирмы», которых было всего-то девять человек: Тимка, его лучший друг и партнер, несколько парней и три девушки-оператора, которые сидели на телефонах и томными головами убеждали клиентов купить последнюю модель смартфона или компьютерный вибратор с тройной стимуляцией: «Почему кролик называется? Потому что он своими ушками будет щекотать клитор Вашей девушки... а хвостик у него состоит из шариков, которые тихонько проникнут к ней в попку, а сам он в это время будет...». Корпоративы у них были как-то не приняты, но бизнес разрастался, давно выплеснулся за пределы города через службу доставки; был уже и офис, хотя начинали они с Тимкой все своими головами, руками и ногами, и Михаил решил пригласить всех в паб «У Патрика».

В пятницу ему почему-то не захотелось наблюдать за сборами Белки, хотя он любил, когда она выходила к нему готовая, с вопросом в глазах, с ожиданием его оценки: всегда в ней было что-то новое, хоть какая-то деталь, хоть локон завинчен по-другому, всегда

она выглядела очень сексуально, и он всегда предлагал ей никуда не идти, а прямо сейчас...

С утра Михаил как всегда выпил кофе, зашел на свой сайт, посмотрел статистику продаж, заказы, наметил планы на день, надел черные джинсы и футболку с поднятым средним пальцем, собрался, вышел из дома, загрузился в свой темно-синий Х5 и поехал к себе в офис. Там он целый день крутил всем хвосты, доделывал недоделанные дела, хлопал по попке девчонок, вышедших покурить, потом ездил к оптовикам, вернулся с кучей новых товаров, проверил, как без него прошла доставка заказанного, перекусил в «Макдональдс», курил со стаканом кофе на улице, периодически проверял, не было ли пропущенных звонков, но их не было. За суетой день прошел быстро, к четырем подъехал заказанный им микроавтобус, телефоны были переключены на автоответчик, который женским голосом предлагал звонившему оставить свой номер, «и мы непременно в ближайшее время удовлетворим все ваши желания»; все загрузились и поехали к Патрику.

Тимка был уже там, руководил официантками, пара столов была сдвинута, на них уже стояли тарелки с разными орешками, чипсами, подсоленными крендельками и сухариками, сушеными креветками, кальмарами, рыбешками, нарезанной селедкой и кусочками жирной семги; фирменные подставки «Карлсберг» ждали только команды. Команда была дана, все расселись, пиво принесли, Михаил разместился с торца, напротив него сел Тимур; холодный золотистый напиток падал в горло как водопад на тропическом острове и приносил долгожданное облегчение и успокоение.

Вторая армада кружек водрузилась на столах, Михаил встал и толкнул речь. Говорил он не долго, благодарил всех за самоотверженную работу, за командный дух, выдал пару цитат: «ищите и обрящете», «стучите, и вам откроют», желал всем здоровья и благополучия в личной жизни, «которая, если подумать, и есть основа всякой работы... да и зачем эта работа, если нет...». Потом он раздал всем бронзовые брелки в виде Эйфелевой башни, купался в аплодисментах, гахнул сразу полкружки и вышел на улицу покурить. Там его догнал Тимка.

- А наши-то уже в «Принцессе» веселятся.
- И Дашка там?
- Ну да.
- Конечно, я просто как-то не подумал.
- И мы неплохо так...
- Да, здорово. Хорошо ты все тут...
- И для дела полезно, и пивчик классный.
- Классный, слов нет.
- Ты чё-то смурной какой-то сёдни.
- Да не, я в нормале. День был заморочный. А сейчас попустило.
- Слушай. А ты в Париже бля*ей ихних видел?
- Видел.
- И как они?
- Да шмары размалеванные. Наши лучше.
- Бля*и?
- Девчонки.
- Аааа. Это да. Классные. Белка у тебя ваще агонь.
- Дааа, огнетушитель надо бы уже прикупить.
- А чё такое?
- Да нормально все. Только знаешь, брат, я себя чувствую почти всегда на грани фола. Как будто меня на карусели крутит, а я держусь руками из последних сил, и ноги уже в воздухе болтаются...
- Ну а ты чё хотел? Воблу вяленную? Или треску мороженную?
- Разве ты получаешь то, что хочешь? Ты получаешь то, что тебе свыше посылают. А в награду ли, в испытание – хрен его знает.
- Эт точно. Я иногда про Дашку тоже так думаю.
- А Дашка что?
- Да она же на работу пошла. Расфуфырится вечно. А чё она там делает – хер ее знает. Мелькают мысли всякие. Ну, ты ж сам знаешь.
- Да, я помню. Но тогда ж все классно кончилось?
- Тогда да. И трах был потом сказочный.
- Ну вот видишь.
- Да я вижу, что тебя что-то грызет.
- Да не грызет, а так... подшкрябывает немножко.
- Да плюнь. Пошли накатим.

– Ну пошли.

Михаил допил пиво, щелкнул пальцами, получил новую кружку, подумал, что надо бы что-то погрызть, поискал глазами, взял чипсу и отправил ее в рот: она медленно растворилась, оставив на языке соль, перец и вкус копченой грудинки. Он кидал чипсы в рот одну за другой, запивал пивом, думал, что вкус просто божественный, рассеянно смотрел по сторонам. Компания их разместилась в небольшом закутке, весь паб был разделен перегородками, других посетителей видно не было. Девчонки за их столом всю хихикали, строили парням глазки и выдавали что-нибудь особо пикантное из общения с клиентами, когда надо так сказать, чтобы он поверил, что без клипсы для клитора... «Ну как же вы можете! Да без этого настоящего оргазма и не бывает! Что? Нормально кончает? Да это изобразить любая сможет! Вот слушайте: о... оооу... дааа... аааах... уууууу... боооже! Фсёооо!!!» Парни ржали как кони, предлагали рассказать об использовании анальных игрушек, девчонки делали невинные лица, «неее, никада!», а потом, переглянувшись и прыснув в кулак, рассказывали так, что официантки шарахались, едва не разлив пиво. *Хорошие они все ребята. Надо будет им премию выдать, что ли. Они же тебе деньги зарабатывают. Ладно. На Новый год.*

Потом его расспрашивали о Париже, и он рассказывал, как нашел кабачок, в котором мушкетеры отмечали свою первую победу над гвардейцами кардинала, как он сидел там и пил вино из оловянного стакана, потом травил разные байки: как Генрих Наваррский собрался поиметь королеву Марго и вдруг обнаружил у нее на ягодице отпечаток зубов, «ага, зубы Гиза!», положил ее на колени и влупил ей по заднице за всю фигню, а она дрыгала ногами и елозила на нем, пока не кончила. «А зубы-то были вовсе и не Гиза – это ее Мария Медичи со злости покусала. Так-то вот бывает... Ну да хорошая трепка еще никому не помешала. Вот если бы Людовик XIII вовремя задрал юбку Анне Австрийской... то и Бэкингом живым бы остался, и войны бы не было».

В кармане у него жужнул телефон, он его выхватил – пришло уведомление фейсбука: «Бэла Бурлакова разместила новое фото». Нууу... посмотрим... на нашу красавицу... Он открыл страницу

Белки и увидел групповую фотографию смеющихся девушек с бокалами в руках, сидящих на полукруглом диванчике за столом: Белка была в своем черном «шанельном» платье, которое он ей купил на Елисейских полях; сквозь полупрозрачную вставку на груди отчетливо просматривались соски, шея была украшена черным чокером с красным сердечком. *Вот шалава малолетняя, ну обязательно надо всем на обозрение сиськи выставить! Как чувствовал. И уже пишут всякие пидоры комменты идиотские. Пожаловаться, что ли, Цукербергу, что это оскорбляет нашу нравственность? Да в жопу. Ты же ей сам это платье купил. Ну купил. А если я ей трусики прозрачные купил, так надо пиз*у на фейсбук вешать?! Так, уймись, сам говорил, что платье годится на обложку «Вог». Ну говорил. Кто тот «Вог» у нас читает. Пять человек. А это все увидят. Вон, уже в телефончики уставились. И на меня поглядывают. Идем лучшие покурим. Ну идем.*

Он вышел, закурил, небо было уже почти черное, дул ветерок, но ему было жарко снаружи, а в груди просто горячо. Он прикурил еще одну сигарету, походил туда-сюда и вернулся внутрь. *Надо отлить срочно.* Он зашел в туалет, облегчился, вымыл руки и вышел в предбанник перед туалетами, хотел глянуть на себя в зеркало, но у него стояла черноволосая женщина и подкрашивала губы. На ней было зеленовато-болотное платье с расклешенной юбкой ниже колен из тонкого материала, она спрятала помаду в сумочку и обернулась; Михаил узнал Анну Сергеевну, бывшую Белкину начальницу. Ноги его дернулись уйти, но уши уже слышали голос.

– Ба! Миша! Какими судьбами?! Где бы мы еще встретились?!

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. У нас тут что-то типа корпоратива...

– Ааа... а я с подругой была. Зашли посидеть. Она только что ушла.

Михаил ел глазами фигуру докторши, он заметил, что роскошные груди ее свободно ходят под платьем, подрагивают, волнуются, словно живут своей, совершенно отдельной жизнью. Анна Сергеевна перехватила взгляд Михаила, крутанулась на каблуках, груди ее прыгнули.

– Как Вам мое платье?
– Очень... красивое. Материал какой-то... мягкий... летний. Легкий.

– Да, материал замечательный! Вот потрогайте!

Женщина схватила руку Михаила и приложила к своей груди, он почувствовал торчащий сосок, пальцы его инстинктивно сжались, тут же разжались, и он услышал какой-то утробный вздох.

– Не надо, Анна Сергеевна. Мы же договаривались.

– Ну и что такого. Можете Вы материал потрогать. Мягкий?

– Мягкий.

– Ну вот. Раз в сто лет видимся.

Разговаривая, Анна Сергеевна как-то неуловимо двигалась, поворачиваясь, Михаил невольно двигался вместе с ней, пока не заметил, что оказался зажат в угол. Женщина придвинулась к нему совсем близко, прикоснулась коленями к его ногам, прижалась бедрами и, наконец, придавила его всем корпусом к стене. Он ощутил совершенно недвусмысленную эрекцию, Анна Сергеевна поднялась на цыпочки, двинула бедра вперед, он почувствовал членом мягкую выпуклость ее лобка, поднял руки, чтобы отстраниться, но руки замерли, а бедра уловили ритмичное нажатие женских бедер. *Еб*т она тебя, что ли. Что за х*йня тут происходит. Только что же просто говорили. Надо завязывать.* Какой-то дикий жар наполнил все его тело, его словно лишили возможности двигаться, только член отзывчиво подрагивал в ответ на толчки. *Да что за хрень такая! Может, они там гипноз проходят, в мединститутах своих.*

– Анна... Сергеевна... прекратите... прошу Вас.

– Да-да, конечно, извините. Как-то оно само так получилось... Я так давно... Вас не видела. Пора домой уже. Только... такой конфуз получился... я деньги все потратила. Вы меня не подбросите?

– Да, и мне пора уже. Надо ехать. Подождите минуту.

Он вернулся в зал, за столами никого не было, бумкала музыка, все ушли танцевать, только Тимка сидел и елозил пальцами по экрану смартфона. *Вот, бл..., на Белкины сиськи пялится! А еще друг называется.*

– Тимка. Мне надо уехать. Возьми мою карту. Довеселитесь тут уже... до упаду. Чтоб было что вспомнить.

– Да езжай, я все сделаю, потом сочтемся. Впополам. Давай, держись.

Михаил хлебнул из своей кружки, развернулся и пошел к выходу. *И чего это он такой участливый стал, а. Чего это мне держаться. Я и так... стою... нормально.* На улице он закурил, Анна Сергеевна рядом поправляла волосы, такси поймалось подозрительно быстро, они загрузились на заднее сиденье, в салоне горланил Лепс, он откинул голову на спинку сидения и закрыл глаза.

Он пребывал неизвестно где, в полной темноте, чья-то рука взяла его ладонь, и та ощутила что-то упруго-мягкое, с торчащим бугорком, который его пальцы сжимали изо всех сил, чужая рука легла ему на бедро, переместилась к паху, начала там двигаться, гладить и сжимать член, а его рука почему-то опустилась вниз, по выпуклости живота и ниже, и вглубь и...

– Приехали, начальник. Выходить будем?

Он открыл глаза, повертел головой по сторонам, увидел женщину, посмотрел на свою ширинку, она была застегнута, он открыл дверь, выбрался наружу и подал руку даме.

– До свиданья, Анна Сергеевна.

– На чашечку чаю не зайдете?

– Нет. У меня...

– Да-да, Белка, я помню. Но не могла же я не предложить.

Он вдруг ощутил, что его мочевого пузырь захвачен пивным путем, взбунтовался самым непристойным образом и выставил ультимативные требования к немедленному удовлетворению.

– Разве что на минутку... Мне надо...

– Да я понимаю, Миша. Я же доктор, а не кисейная барышня. Идемте.

Михаил расплатился, они поднялись на последний этаж, Анна Сергеевна открыла дверь и пропустила его вперед.

– Налево по коридору, первая дверь.

Он нашел туалет, рывком расстегнул zipper на джинсах, вспомнил про русский кайф, поохал от удовольствия, потом зачем-то рас-